

© Н. А. Тлеубергенова

ВЛИЯНИЕ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ И КЛИМАТИЧЕСКИХ УСЛОВИЙ ПРОЖИВАНИЯ КАРАКАЛПАКОВ НА РАЗВИТИЕ РЕМЕСЛА

В статье рассматривается влияние географических и климатических условий проживания каракалпаков на развитие традиционных ремесел. Автор анализирует, как физико-географические характеристики региона — в частности, пустынно-полупустынный ландшафт, аридный климат, бедность лесных ресурсов и обилие природных материалов (шерсти, тростника, глины, рыбьих костей) — способствовали формированию уникальных ремесленных практик, тесно связанных с окружающей средой. Основное внимание уделено концепции географического детерминизма, адаптированной к условиям Каракалпакстана, где окружающая среда не только ограничивает, но и стимулирует развитие определённых видов ремесел. На основе сравнительно-исторического подхода показано, что ремесленные традиции каракалпаков не были статичными, а претерпели трансформации под воздействием как внутренних культурных механизмов, так и внешних экономических и социальных факторов. Подчеркивается, что развитие ремесел происходило не в отрыве от природы, а как форма адаптации к ней и способ рационального использования ресурсов. Особое внимание уделено таким видам творческой деятельности, как валяние войлока, ткачество, плетение из тростника и использование материалов, полученных в результате рыболовства. Автор приходит к выводу, что ремесло выступает не только как экономическая категория, но и как выражение культурной памяти и экологического интеллекта народа. Представленные в статье наблюдения подчеркивают важность междисциплинарного анализа ремесленной культуры в контексте взаимодействия природной среды, социальной организации и исторических трансформаций.

Ключевые слова: географический детерминизм, традиционные ремесла, каракалпаки, климатические условия, валяние, ткачество, материальная культура

Ссылка при цитировании: Тлеубергенова Н. А. Влияние географических и климатических условий проживания каракалпаков на развитие ремесла // Вестник антропологии. 2026. № 1. С. 190–202.

UDC 39

DOI: 10.33876/2311-0546/2026-1/190-202

Original article

© Navbakhor Tleubergenova

THE INFLUENCE OF GEOGRAPHICAL AND CLIMATIC CONDITIONS OF THE KARAKALPAKS ON THE DEVELOPMENT OF CRAFTS

This article explores how geographical and climatic conditions influenced the development of traditional crafts among the Karakalpak people. The author analyses how the region's physical geography — particularly its arid desert and semi-desert landscape, lack of forest resources and abundance of natural materials such as wool, reed, clay and fish bones — shaped unique artisanal practices deeply intertwined with the environment. Special attention is given to the concept of geographical determinism in the context of Karakalpakstan, where the environment imposes constraints while also encouraging the evolution of specific types of craftsmanship. Using a comparative-historical approach, the article demonstrates that Karakalpak artisanal traditions were not static, but evolved in response to both internal cultural mechanisms and external socio-economic influences. The study emphasizes that craft development was a form of environmental adaptation and rational use of available resources. Particular focus is placed on felting, weaving, reed basketry, and the use of by-products of fishing as culturally embedded artisanal techniques. Thus, craft is understood not only as an economic activity but also as an expression of cultural memory and ecological intelligence. The findings highlight the importance of an interdisciplinary approach to analyzing craft cultures through the lens of natural environment, social organization, and historical change.

Keywords: *geographical determinism, traditional crafts, Karakalpaks, climatic conditions, felting, weaving, material culture*

Author Info: Tleubergenova, Navbakhor A. — Ph.D., Associate Professor, Karakalpakstan Institute of Agriculture and Agricultural Technologies (Nukus, Karakalpakstan, Uzbekistan). E-mail: navbahortleubergenova@gmail.com ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0007-3807-9067>

For citation: Tleubergenova, N. A. 2026. The Influence of Geographical and Climatic Conditions of the Karakalpaks on the Development of Crafts. *Herald of Anthropology (Vestnik Antropologii)* 1: 190–202.

Пути распространения ремесел по всей территории Каракалпакстана приобрели глубоко дифференцированный характер, обусловленный сложным набором детерминант. К ним относятся природно-климатические условия, местные экономические системы, специфика человеческих поселений, часто определяемая племенными и родовыми традициями, а также плотность населения и географическое положение населенных пунктов, которые благоприятствуют развитию определенных отраслей ремесла и облегчают сбыт их продукции.

С течением времени ремесленная система, сложившаяся в традиционных обществах Центральной Азии, претерпевала постепенную трансформацию. Этот процесс отражал как внутренние ограничения, так и внешние социально-экономические из-

менения. Несмотря на то, что ремесленное производство уходит корнями в общинные структуры и межпоколенческие практики, оно не осталось статичным. Напротив, ремесленная традиция эволюционировала, отвечая на растущие запросы современности. Начиная с XIX в., несмотря на усиливающуюся либерализацию экономики и упадок монополистических ремесленных гильдий, последние сохраняли структурирующую роль в организации труда и в укреплении профессиональной идентичности. Их стойкость свидетельствует о замечательной культурной преемственности, даже в условиях значительных технических и экономических преобразований.

Эволюция ремесленного производства не может быть сведена к линейному механизму адаптации к формирующейся капиталистической динамике. Напротив, данный процесс носит многомерный характер и определяется совокупностью социальных, экономических, политических и природно-географических факторов. В этом контексте целесообразно обратиться к концепции географического детерминизма, имеющей длительную традицию в европейской и российской научной мысли. Наиболее последовательное теоретическое оформление данный подход получил в XVIII веке в труде Шарля Луи Монтескьё «О духе законов», где природно-климатические условия рассматривались как важный фактор формирования социальных институтов и культурных различий. В русской историографической традиции элементы географического детерминизма прослеживаются уже в «Повести временных лет», а в более систематизированном виде — в трудах С. М. Соловьёва (*Соловьёв* 1965) и Л. И. Мечникова (*Мечников* 1995; *Захаров* 2017), связывавших особенности исторического развития народов с пространственными и природными условиями их существования.

В современной науке данный подход получил дальнейшее развитие и уточнение, в том числе в работах А. Г. Исаченко (*Исаченко* 2006), который рассматривает природно-географическую среду как один из ключевых факторов формирования образа жизни и хозяйственной деятельности населения, а также в исследованиях Г. Ш. Зунуновой, применяющей элементы географического детерминизма к анализу традиционных ремесел каракалпаков (*Зунунова* 2013). В рамках настоящего исследования географический детерминизм используется не в жёстком, редуционистском смысле, а как гибкая аналитическая рамка, позволяющая выявить взаимосвязь между природной средой, материальной культурой и формами организации ремесленного производства. Такой подход способствует более глубокому пониманию органического встраивания ремесленных практик в экологический и территориальный контекст их возникновения и развития.

Каракалпакистан, расположенный в нижней долине Амударьи, отличается своеобразной географической конфигурацией. В регионе преобладают пустынные и полупустынные районы, в том числе обширные просторы Кызылкума, дельты Амударьи и северных течений Аральского моря. Климат засушливый, характеризуется чрезвычайно низким годовым количеством осадков, интенсивным испарением и очень выраженными сезонными колебаниями температуры. Суровые климатические условия накладывают серьезные ограничения на занятия человека и его производственную деятельность. В результате у каракалпаков сложился образ жизни, основанный на рациональном и грамотном распоряжении имеющимися природными ресурсами. Эта экологическая рациональность выражается не только в рыболовстве, пастбищном животноводстве и орошаемом земледелии, но и, что не менее важно, в кустарном производстве, тесно связанном с окружающей средой.

В специфических экологических условиях Каракалпакстана, отмеченных печально известной скудостью древесных ресурсов и, наоборот, обилием других доступных материалов, таких как шерсть, тростник, глина и различные побочные продукты рыболовства (особенно рыбы кости), развились кустарные отрасли с уникальными особенностями. Например, техника валяния, то есть изготовление войлока из тонко измельченной шерсти, зарекомендовала себя как основная ремесленная деятельность, как для производства одежды, так и для изготовления бытовых или ритуальных предметов.

В контексте изучения особенностей традиционного природопользования в первую очередь необходимо определить границы исследуемой территории, а также хронологические рамки исследования. В идеале подробный историко-географический обзор мог бы позволить учесть все сложные взаимосвязи между обществом и природой. В данном исследовании, для того, чтобы проанализировать традиционную эксплуатацию окружающей среды каракалпаками, мы выбрали в качестве начальной точки исследования период с конца XIX в. — начала XX в., а также территорию Амударьинского отдела, расположенную в Сырдарьинской области, в настоящее время соответствующую правобережью Республики Каракалпакстан. Общая площадь этой территории в то время составляла 76 000 км², с населением 198 565 человек, сгруппированных в 17 волостей и 150 хозяйственных аулов. Кроме того, рассматриваются и районы расселения каракалпаков за пределами этого региона (*Баллиева* 2003: 10).

Почему именно этот временной промежуток мы рассматриваем как наиболее оптимальный для исследования? Анализ научной литературы и источников показывает, что до социально-экономических реформ 1920-х гг., проведенных Советской властью, каракалпаки не испытывали существенных структурных изменений в своих традиционных отношениях с окружающей средой. К сожалению, практически невозможно найти точные статистические данные о местной экономике до XIX века. Однако для выбранной начальной точки исследования (с конца XIX — начала XX в.) имеется совокупность письменных источников и документов из научных экспедиций, которые позволяют выявить основные географические и экологические факторы, повлиявшие на способы эксплуатации природных ресурсов каракалпаками, и провести сравнение с аналогичными традициями других жителей Приаралья. Зафиксированные в прошлом сведения раскрывают фундаментальные особенности традиционного природопользования в этой местности в начале XX в. Сложность этногеографического подхода заключается в том, что историки и этнологи опираются прежде всего на доступные источники, которые не всегда могут быть напрямую соотнесены с современными административными картами. Эта сложность затрудняет сравнение прошлого и нынешнего состояния территории. Однако, строго определяя временные и пространственные границы исследования, основываясь на верифицируемых и непротиворечивых источниках, становится возможным комплексный анализ традиций, экономической деятельности населения и их взаимодействий с окружающей средой.

Выделение этих взаимосвязей позволяет оценить характер и интенсивность антропогенного воздействия на окружающую среду. Анализ традиционного использования природных ресурсов базируется здесь на диахроническом подходе, т. е. на изучении явлений в их исторической динамике. Такой подход позволяет выявить истоки современных экологических проблем, проследить различные фазы эволюции практик природопользования и сформулировать определенные гипотезы о современных тенденци-

ях. Основной принцип этого метода заключается в том, чтобы сделать сопоставимыми результаты, полученные на разных этапах развития одного и того же явления. Данная методологическая основа распространяется и на конкретный анализ использования ресурсов местным населением: в данном случае на изучение особенностей формирования и расселения каракалпаков, их экономической системы, видов и форм природопользования в соответствии с природными и социально-экономическими условиями. Изменения в месте жительства каракалпаков мало повлияли на их интегрированные экономические традиции, сочетающие в себе земледелие, животноводство и рыболовство. Они всегда стремились поселиться в речных или дельтовых районах, способствующих привычному образу жизни. Учитывая, что данный способ эксплуатации унаследован от древнего прошлого, его изучение предполагает возвращение к историческим истокам предков каракалпаков, населявших Приаралье (*Баллиева* 2003: 11).

Растущий интерес к проблемам взаимодействия человека и природы тесно связан с возрастающей серьезностью глобальных экологических проблем и необходимостью изучения исторического опыта взаимоотношений человека и его природной среды. Нынешний экологический дисбаланс в значительной степени является результатом неустойчивого поведения человека по отношению к природе. Поэтому крайне важно изучить механизмы, действующие в преобразенной человеком среде, чтобы понять их причины и ретроактивное воздействие на общество. Несмотря на накопленные знания, некоторые вопросы остаются недостаточно изученными, в частности, эволюция поведения человека по отношению к природе и возможность установления прочной стабильности в системе «природа–экономика–общество». История показывает, что человечество долгое время приспособлялось к различным природным условиям, и что этот опыт доступен через анализ практик управления природными ресурсами. На каждом этапе своего развития человечество отбирает подходящие знания, отбрасывая устаревшие практики и сохраняя те, которые являются экологически жизнеспособными. Особенности природной среды определяют тип хозяйства и формы производства, которые в свою очередь влияют на материальную культуру и социальную организацию народа. Так, в тесном взаимодействии с местными условиями, формируется особый способ эксплуатации природы. Эти адаптации формируют культурную идентичность этнической группы через ее инструменты, методы, транспортные средства и т. д. (*Баллиева* 2003: 12).

Таким образом, экономические традиции играют основополагающую роль в гармонизации отношений между человеком и окружающей его средой. Изучение взаимосвязи между природой и обществом восходит к античности, где такие мыслители, как Демокрит, Геродот или Гиппократ, установили корреляции между природными условиями и человеческими особенностями, физическими или психологическими. В то время как Средневековье не слишком углублялось в эту тему, в эпоху Нового времени, в рамках философии Просвещения, концепция географического детерминизма получила систематическое теоретическое оформление в трудах Шарля Луи Монтескье (1689–1755), Г. Т. Бокля (1821–1862), К. Риттера и Ф. Ратцеля (1844–1904), при этом центральное место отводилось влиянию окружающей среды на цивилизацию, будь то в детерминистской или поппулистской форме (подробнее см. *Баллиева* 2003: 13). Эти размышления привели к признанию решающей роли природных условий в структурировании человеческих обществ и к более детальному пониманию динамических взаимодействий между культурой, территорией и окружающей средой.

* * *

Важно подчеркнуть, что эта ремесленная ориентация, хотя и является результатом адаптации к экологическим ограничениям, никоим образом не привела к эстетическому обеднению. Напротив, караалпаки выработали сложный орнаментальный язык, тесно интегрированный в их ремесленные практики, который передает как своеобразное видение мира, так и глубокую привязанность к своей территории. Таким образом, предмет ручной работы выходит за рамки простой технической функциональности: он становится носителем идентичности, носителем памяти и социальным маркером.

Решающее значение географического контекста в возникновении этих традиций подчеркивается и в работах Е. Н. Ладыгиной и Е. И. Григорьевой, которые, изучая ремесленные практики Тамбовщины, настаивают на структурирующей роли локально доступных материалов в конфигурации форм и техник (*Ладыгина, Григорьева 2009*). Эта точка зрения согласуется с точкой зрения А. С. Канцедикаса, для которого народное искусство представляет собой узловую точку, где сходятся характеристики физической среды и коллективные культурные представления (*Канцедикас 1977*).

Таким образом, в случае с караалпаком мастерство представлено как реакция, которая является одновременно устойчивой и креативной к сложности окружающей среды, реакция, сформированная логикой тонкой адаптации и непрерывной передачи. Ремесло отличается от кустарного производства своими корнями, глубоко укоренившимися в специфической природной и социальной среде, и отличается от декоративного народного искусства своей привязкой к повседневным функциональным потребностям и материальностью опыта. Как отмечает М. С. Белов, невозможно понять противоречие между традицией и новаторством без учета экологических основ, на которых зиждется традиционное ремесло (*Белов 2012: 10*).

* * *

Остановимся подробнее на самых популярных у караалпаков видах ремесел. Из многих форм ремесла, практикуемого караалпаками, *валяние* — или искусство изготовления войлока из овечьей шерсти — является одним из наиболее развитых и наполненных символизмом. Эта практика, глубоко укоренившаяся в традициях кочевых и полукочевых народов Центральной Азии, достигает уровня технической и эстетической утонченности в караалпаком контексте. Распространение этой деятельности напрямую объясняется обильной доступностью шерсти, что само по себе является следствием развития овцеводства в степных и полупустынных районах Караалпакастана.

В условиях, характеризующихся суровой зимой и палящим летом, войлок зарекомендовал себя своими исключительными теплоизоляционными качествами, отвечающими жизненно важным потребностям в защите, комфорте и мобильности местного населения. Войлок был далеко не маргинальным материалом, а центральным элементом кочевого образа жизни. Его использовали не только для изготовления теплой одежды, упряжи, ковров и попон для лошадей, но и — и прежде всего — при строительстве юрт (*кииз*), стены и крыша которых покрывались толстыми слоями войлока, обеспечивающими эффективную защиту от ветра, холода и жары.

Процесс изготовления войлока состоял из строгой цепочки операций: стрижка овец, стирка и чесание шерсти, увлажнение, ручное или роликовое протаптывание, а затем сушка на солнце. Несмотря на рудиментарность с технологической точки

зрения, эта ремесленная последовательность мобилизовала точные знания, передаваемые устно из поколения в поколение. Совокупность практических навыков, основанных на опыте, свидетельствует об имплицитной рациональности сообществ, которые научились извлекать максимальную пользу из требовательной среды.

Изделия ручной работы, и в частности войлочные ковры, нельзя считать чисто утилитарными. Напротив, они были привилегированными опорами для символического и космологического выражения. Эти ковры часто обогащались традиционными декоративными мотивами, нанесенными или окрашенными, значение которых выходило за рамки чистого орнамента. Например, волнистые линии напоминали о воде — жизненно важном ресурсе в засушливой среде, в то время как зигзагообразные фигуры представляли собой движущиеся дюны пустыни. Стилизованные зооморфные формы олицетворяли природные силы или отдавали дань уважения животным видам, наделенным символической силой. Каракалпакский войлок, с этой точки зрения, предстает как гармоничный синтез между материальной полезностью и культурной выразительностью, проявляющий форму функциональной эстетики, глубоко укоренившейся в опыте.

Еще одним важным направлением местных ремесел было ручное ткачество, основанное в основном на использовании хлопка и шерсти. Развитие этой практики было тесно связано с существованием в дельте Амударьи ирригационных систем, необходимых для выращивания хлопчатника — структурирующего растения в текстильной экономике региона. Женщины, хранительницы этого ноу-хау, изготавливали в домашнем пространстве ткани для одежды, домашнего белья, пошива сумок, драпировок и даже ритуальных гирлянд (Морозова 1954). Традиционное ткачество, осуществлявшееся на горизонтальных или вертикальных ткацких станках, включало в себя сложные техники прядения, вязания узлов и крашения, требующие как большого технического мастерства, так и ярко выраженного чувства хроматической гармонии. Красители были получены исключительно из природных источников — растений, корней, минералов — в полной гармонии с каракалпакским мировоззрением, основанным на уважительном и устойчивом отношении к природе.

Согласимся с мнением Х. М. Акиевой, которая рассуждая о традициях ингушей пишет, что ткачество, использующее местные волокна и часто окрашивание натуральными пигментами является фундаментальной отраслью народных промыслов (Акиева 2021). Оно является носителем уникального умения, глубоко укоренившегося в ремесле, передаваемого в рамках традиционных социальных структур.

В той же логике экологической корректировки зародилась третья форма мастерства, основанная на эксплуатации тростника, ставшая фундаментальной опорой отечественной экономики. Дельта Амударьи, богатая болотной растительностью, является домом для обилия тростника (*камыса*) — растения, которое является одновременно гибким и устойчивым, прекрасно приспособленным к плетению корзин. Искусство плетения из тростника породило производство целого ряда утилитарных предметов: циновок, легких перегородок, различных емкостей и т. д. Изготовленные из этого материала циновки (*шиий*, *шыпта*) использовали в качестве напольных покрытий, внутренних стен юрт, теплоизоляционных панелей или складных матрасов (Курбанова 2023). Тростник, после сушки и резки, собирался с помощью шерстяных нитей или нитей из конского волоса, согласно геометрическим расположениям, унаследованным от многовековых орнаментальных традиций. Ткачество из трост-

ника представляло собой коллективную деятельность, чаще всего женщин, обычно сопровождавшуюся традиционными песнями или историями мифологического характера, тем самым усиливая передачу культуры через ремесленные действия.

Каракалпакская юрта, архитектура кочевых и полусёдлых народов, является убедительным примером местной ремесленной изобретательности. Несмотря на то, что это временное сооружение, оно прекрасно приспособлено к экстремальным климатическим условиям региона. Его каркас, сделанный из гибкой древесины — в основном ивы или тополя — был покрыт стопкой войлочных и тростниковых циновок. Это сочетание легких, изоляционных, гибких и удобно транспортируемых материалов отвечало требованиям мобильности, обеспечивая при этом эффективную терморегуляцию жилища зимой и летом.

Доступные здесь минеральные ресурсы также были интегрированы в ремесленную практику, в частности, благодаря развитию прочно укоренившейся *керамической традиции*. Глинистые отложения аллювиальных равнин Амударьи позволили развить гончарное ремесло, призванное восполнить нехватку строительной древесины. Глина использовалась как для изготовления посуды и емкостей для хранения, так и для производства декоративных элементов или кирпича для постоянного жилья. Каракалпакская керамика, сформированная вручную или с помощью рудиментарного колеса, украшалась простыми геометрическими узорами, символизирующими четыре стихии, природные циклы или определенные созвездия. Обжиг, проводимый в печах под открытым небом или в ямах, нагретых органическими остатками, основывался на тщательно освоенных эмпирических процессах, гарантирующих прочность и долговечность изделий.

В более широком контексте Арало-Каспийского бассейна также стоит подчеркнуть центральное место знаний, связанных с рыболовством, которое является важным видом экономической деятельности для местных сообществ. У каракалпаков сложились специфические методы изготовления легких каноэ, плетения сетей, а также консервирования рыбы. Лодки изготавливались из выдолбленных стволов или легких конструкций, покрытых непроницаемыми материалами. Сети, сделанные вручную из хлопка или конского волоса, следовали узорам, адаптированным к течениям и целевому виду. Пойманную рыбу солили, сушили или коптили с помощью эмпирических процессов, передаваемых перорально. Эти практики отнюдь не были маргинальными, они сами по себе представляли собой экономическую опору, полностью интегрированную во всю местную ремесленную систему.

Наконец, среди ремесленных навыков, структурирующих каракалпакские общины, кожевенное дело занимало важное место, как экономическое, так и символическое. Унаследованная от давней пастушеской традиции, эта деятельность позволяла удовлетворять многочисленные потребности. Шкуры овец, коз или крупного рогатого скота, полученные в результате сезонного убоя или естественной смертности, обрабатывались с использованием традиционных процессов овощного дубления, основанных на использовании коры или других природных веществ, доступных в местной экосистеме. Эта мягкая и прочная кожа затем превращалась в обувь, сумки, ремни или одежду — утилитарные предметы, идеально приспособленные к требованиям полукочевого образа жизни.

Кожаные изделия в каракалпакской ремесленной культуре часто украшались замысловатыми декоративными мотивами, выполненными с использованием таких техник, как штамповка, гравировка и ажурная резка. Эти мотивы отнюдь не были

чисто эстетическим орнаментом: они были частью древней иконографической системы, в которой каждый знак — спирали, ломаные линии, стилизованные арабески — находился в тесном диалоге с природной средой: горами, дюнами, реками или даже местной фауной. Этот эстетический аспект кожаного предмета отражал органическую связь между сырьем и коллективным воображением, придавая этим артефактам значительную историческую и антропологическую ценность.

Производство кожевенных изделий, в некоторых случаях украшенных декоративными элементами, в т. ч. вырезанными из кости, также развились в самостоятельное ремесло, производящее как повседневные потребительские товары, так и предметы высокой символической и социальной ценности.

Работа с костями и рогами стала одним из важнейших ремесел, тесно связанным с животноводством. У каракалпаков, как у бывалых пастухов, значительно развилась переработка отходов животного происхождения — длинных костей, рогов, копыт. Из этих материалов изготавливались предметы повседневного обихода: расчески, пуговицы, рукоятки ножей, футляры, музыкальные инструменты или различные украшения. Данная ремесленная специальность, которой обычно занимались мужчины, требовала большой технической точности на этапах резки, полировки и гравировки. Некоторые готовые изделия даже инкрустировались металлом или перламутром, и использовались в практических, эстетических или ритуальных целях.

Кстати, материал, добываемый при рыбной ловле, также шел в дело. Костяное ремесло из этого сырья породило различные декоративные элементы, инструменты и ритуальные предметы, обнаруживая замечательную способность максимально использовать мельчайшие ресурсы в условиях их дефицита.

* * *

Однако, начиная с XX в. все ремесла каракалпаков претерпели глубокие изменения, иногда необратимые, под совокупным воздействием индустриализации, ускоренной урбанизации и политической централизации, внедрявшейся советским режимом. Социалистический период, особенно между 1930-ми и 1980-ми годами, характеризовался политикой коллективизации средств производства и стандартизации форм культурного самовыражения. Многие ремесленники были интегрированы в кооперативные мастерские или артели, производство которых было направлено на количественные и нормативные задачи, часто оторванные от местных реалий. Процессы, которые считались «архаичными» или неэффективными, отодвигались на второй план в пользу индустриальных методов. Натуральные красители постепенно были заменены химическими веществами. Ручные ткацкие станки уступили место механическим устройствам. Традиционные формы были сглажены, утратив свое стилистическое разнообразие и региональные корни.

Следует при этом подчеркнуть, что эта вынужденная модернизация не полностью искоренила эндогенные формы мастерства. Благодаря устойчивости сельских общин и постоянству некоторых природных ресурсов, многие виды деятельности сопротивлялись культурному единообразию. Работа с шерстью, тростником и кожей — материалами, все еще широко доступными в местной среде — велась в домашних или полупрофессиональных условиях, часто предназначенных для использования в расширенной семье или для торговли на региональных рынках (*Каульбарс* 1881). Эти практики, хотя и маргинализируются в официальных нарративах, обеспе-

чивают передачу знаний из поколения в поколение и могут быть интерпретированы как форма культурного сопротивления эрозии региональной идентичности.

На рубеже XXI в., именно в постсоветском контексте, мы являемся свидетелями значительного возрождения интереса к традиционному каракалпакскому искусству. Это повторное открытие является частью глобального движения по переоценке нематериального наследия, поддерживаемого как национальными властями, так и международными институтами, такими как ЮНЕСКО. Валяние, керамика, ткачество, плетение корзин и работа с кожей в настоящее время воспринимаются как составные элементы культурной идентичности, носители памяти, знаний и гордости за сообщество. Образовательные мастерские, местные музеи, фестивали ремесел и туристические рынки являются частью этой динамики оживления, предлагая в то же время новые экономические перспективы для современных ремесленников.

Следует добавить, что это возрождение декоративно-прикладного искусства не может быть отделено от специфических географических рамок Каракалпакстана. Понятие географического детерминизма обеспечивает необходимую интерпретативную основу для понимания исторической эволюции форм ремесленного производства в регионе. Согласно этому подходу, природные условия — климат, состав почвы, обеспеченность ресурсами — оказывают решающее влияние на способы экономической и культурной организации местных обществ.

В случае с Каракалпакстаном несколько основных географических факторов сформировали практику ремесла в долгосрочной перспективе (Камалов 1968). Засушливость климата, дефицит лесных ресурсов, наличие аллювиальных глин, обилие тростника в дельте, наличие шерсти животных и доступ к рыбным ресурсам Арало-Каспийского бассейна сформировали материальные основы устойчивой ремесленной экономики. Например, отсутствие древесины привело к широкому использованию войлока, плетеного тростника, сырой земли и кожи при изготовлении жилищных конструкций, мебели и хозяйственной тары. Этот тип экономики, основанный на рациональном использовании местных ресурсов, свидетельствует о тонкой адаптации к экологическим ограничениям и замечательной способности к артикулированию функциональности и материальной культуры.

С другой стороны, сильная зависимость от окружающей среды также подвергла каракалпакские ремесла структурной уязвимости, особенно в случае резких изменений в экосистемах. Постепенное высыхание Аральского моря, настоящая экологическая трагедия XX в., привело к обеднению биоразнообразия рыбных запасов и нехватке некоторых материалов, что нарушило сами основы многих ремесленных практик. Тем не менее, этот экологический кризис также стал источником инициатив по повышению осведомленности населения о наследии и его устойчивости, направленных на адаптацию знаний и опыта к новым реалиям при сохранении духа традиций.

* * *

В каждом из выявленных нами типов каракалпакских поселений заметно присутствие ремесленников. Примечательно, что некоторые из этих мастеров поддерживали тесные родственные связи и населяли четко определенные территории. Особенностью развития традиционных ремесел у каракалпаков является то, что представители одного рода обычно занимались одним и тем же ремеслом, что от-

ражалось в самом названии их рода или села происхождения. Таким образом, в каракалпакских племенных подразделениях сохраняются топонимы и этнонимы, непосредственно указывающие на профессиональную специализацию: например, мы находим наименования «Конши» (мастера кожевенного дела), «Коп уста» (много мастеров), «Зангиши» (мастера по изготовлению стремян) и другие. Эти обозначения не только позиционируют родственную группу, но и несут в себе память, передаваемую из поколения в поколение, тем самым придавая этим сообществам глубоко укоренившуюся ремесленную идентичность, связанную с ремеслом.

В контексте нашего исследования мы решили не проводить искусственное разграничение между городскими и сельскими ремеслами. Мы рассматриваем их с целостной точки зрения, как выражение эволюционного континуума материальной производственной системы. Однако следует подчеркнуть, что полная номенклатура профессий того времени, а также точное число ремесленников в каждой категории остаются в значительной степени неизвестными из-за отсутствия исчерпывающих инвентаризаций населения за изучаемый период. Одной из причин этого дефицита было нежелание населения участвовать в официальных переписях населения до середины 1920-х годов. В каракалпакской культуре существовало убеждение, что подсчет членов домохозяйства может нанести вред их здоровью, что подкрепляло отказ от подчинения колониальной или национальной статистике.

Итак, анализ ремесленных практик каракалпаков не может быть отделен от их природной среды, их экономической истории и их социальной культуры. Каждый вид ремесленного мастерства — будь то валяние, ткачество, плетение корзин, керамика, работа с рогами или рыболовство — свидетельствует о необычайной способности к адаптации, укоренившейся эстетике и симбиотических отношениях между человеческими сообществами и окружающей средой. Это сочленение между экосистемой и уникальным умением составляет фундаментальную основу материальной культуры каракалпаков и полностью оправдывает научный интерес, проявленный к изучению этих форм производства.

С эпистемологической точки зрения крайне важно интегрировать анализ географических рамок в любое исследовательское начинание, посвященное ремесленному знанию, особенно когда оно развивается в условиях, характеризующихся сильными экологическими ограничениями. В этом отношении случай Каракалпакстана представляет собой образцовую парадигму: он иллюстрирует, как общество смогло мобилизовать потенциал своей территории для развития ремесленной культуры большого технического и символического богатства. Эта перспектива в конечном итоге подтверждает актуальность географического детерминизма как герменевтического инструмента в изучении традиционных культурных форм.

Таким образом, каракалпакские ремесла не могут быть поняты как фиксированный набор унаследованных техник, а скорее должны интерпретироваться как динамическая система, исторически структурированная постоянным взаимодействием между природой и культурой, между местными знаниями и социальной организацией. Они воплощают в себе форму исконного экологического интеллекта, в котором каждый природный ресурс используется экономно, оценивается кодифицированными жестами и интегрируется в автономные и значимые производственные цепочки.

В эпоху глобализации и культурной стандартизации традиционные искусства Каракалпакстана представляют собой стратегический рычаг для устойчивого раз-

вития, поскольку они сочетают в себе идентичность, традиционные навыки и глубоко укоренившиеся инновации. Их признание в качестве нематериального живого наследия является не только культурным требованием, но и важной экономической и образовательной возможностью для будущих поколений. Теперь дело за учреждениями, исследователями, а также за самими общинами, которые должны гарантировать преемственность, передачу и обновление этих унаследованных практик, уважая при этом гениальность места и историческую память каракалпакского народа.

Источники и материалы

- Камалов 1968 — Камалов С. К. Каракалпаки в XVIII–XIX веках (К истории взаимоотношений с Россией и среднеазиатскими ханствами). Ташкент: Фан, 1968. 327 с.
- Каульбарс 1881 — Каульбарс А. Низовья Аму-Дарьи, описанные по собственным исследованиям в 1873 г. (Известия Русского географического общества. Т. IX). Санкт-Петербург: типография Императорской Академии наук, 1881. 634 с.

Научная литература

- Акиева Х. М. Особенности ингушского изобразительного искусства в 60–70-е гг. XX века // Культура и история народов Кавказа: вчера, сегодня, завтра. Материалы Международной научной конференции, посвященной 95-летию создания научно-исследовательского института гуманитарных наук им. Ч. Э. Ахриева. (12–13 октября 2021 г.). Магас: ООО «Кеп», 2021. С. 77–88.
- Баллиева Р. Каракалпакский этнос и традиционное природопользование. Дис. ... доктора исторических наук: 07.00.07 / Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. Ист. фак. М., 2003. 236 с.
- Белов М. С. Взаимодействие традиций и инноваций как фактор развития народных художественных промыслов // Научный поиск. 2012. № 2 (4). С. 7–10.
- Захаров Р. А. Географический детерминизм и геосоциология: методологические основы разграничения понятий // Историческая и социально-образовательная мысль. 2017. Т. 9. № 2–2. С. 154–160.
- Зунунова Г. Ш. Материальная культура узбеков Ташкента: трансформация традиций: XX — начало XXI в. Ташкент: Extremum-Press, 2013. 256 с.
- Исаченко А. Г. Географический детерминизм — конструктивная научно-мировоззренческая концепция // Известия Русского географического общества. 2006. Т. 138. № 3. С. 1–14.
- Канцедикас А. С. Искусство и ремесло (к вопросу о природе народного искусства). М.: Изобразительное искусство, 1977. 120 с.
- Курбанова З. И. Коллекция отдела этнографии Государственного музея искусств Республики Каракалпакстан им. И. В. Савицкого // Историческая этнология. 2023. Т. 8. № 2. С. 222–233.
- Ладыгина Е. Н., Григорьева Е. И. Культурно-исторические судьбы народных промыслов Тамбовского края. Тамбов: Юлис, 2009. 144 с.
- Мечников Л. И. Цивилизация и великие исторические реки; Статьи. М.: Прогресс, Пангея, 1995. 464 с.
- Морозова А. С. Культура домашнего быта каракалпаков начала XX в. К вопросу этногенеза. канд. дисс. Ташкент, 1954.
- Соловьев С. М. История России с древнейших времен. М.: Соцэкономиздат, Кн. XIV. 1965. 674 с.

References

- Akieva, Kh. M. 2021. Osobennosti ingushskogo izobrazitel'nogo iskusstva v 60–70-e gg. XX veka [Features of Ingush Fine Art in the 1960s–1970s]. In *Kul'tura i istoriia narodov Kavkaza: vchera, segodnia, zavtra. Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii*,

- posviashchennoi 95-letiiu sozdaniia nauchno-issledovatel'skogo instituta gumanitarnykh nauk im. Ch. E. Akhrieva (12–13 oktiabria 2021 g.)* [Culture and History of the Peoples of the Caucasus: Yesterday, Today, Tomorrow. Proceedings of the International Scientific Conference Dedicated to the 95th Anniversary of the Ch. E. Ahriev Institute for Humanities Research (October 12–13, 2021)]. Magas: Kep. 77–88.
- Ballieva, R. 2003. *Karakalpakskii etnos i traditsionnoe prirodopol'zovanie* [The Karakalpak Ethnos and Traditional Nature Management]. Ph.D. diss., Lomonosov Moscow State University. 236 p.
- Belov, M. S. 2012. Vzaimodeistvie traditsii i innovatsii kak faktor razvitiia narodnykh khudozhestvennykh promyslov [The Interaction of Traditions and Innovations as a Factor in the Development of Folk Arts and Crafts]. *Nauchnyi poisk* 2(4): 7–10.
- Isachenko, A. G. 2006. Geograficheskie determinizm — konstruktivnaia nauchno-mirovozzrencheskaia kontseptsia [Geographical Determinism as a Constructive Scientific and World-view Concept]. *Izvestiia Russkogo geograficheskogo obshchestva* 138(3): 1–14.
- Kantsedikas, A. S. 1977. *Iskusstvo i remeslo (k voprosu o prirode narodnogo iskusstva)* [Art and Craft (On the Nature of Folk Art)]. Moscow: Izobrazitel'noe iskusstvo. 120 p.
- Kurbanova, Z. I. 2023. Kolleksiia otdela etnografii Gosudarstvennogo muzeia iskusstv Respubliki Karakalpakstan im. I. V. Savitskogo [The Collection of the Ethnography Department of the I. V. Savitsky State Museum of Arts of the Republic of Karakalpakstan]. *Istoricheskaiia etnologia* 8(2): 222–233.
- Ladygina, E. N., and E. I. Grigorieva. 2009. *Kul'turno-istoricheskie sud'by narodnykh promyslov Tambovskogo kraia* [Cultural and Historical Destinies of Folk Crafts of the Tambov Region]. Tambov: Yulis. 144 p.
- Mechnikov, L. I. 1995. *Civilizaciya i velikie istoricheskie reki; Stat'i* [Civilization and Great Historical Rivers; Articles]. Moscow: Progress, Pangeya. 464 p.
- Morozova, A. S. 1954. *Kultura domashnego byta karakalpakov nachala XX v. K voprosu etnogeneza* [Domestic Culture of the Karakalpaks at the Beginning of the 20th Century. On the Issue of Ethnogenesis]. Ph.D. diss., Tashkent.
- Solovyev, S. M. 1965. *Istoriia Rossii s drevnejshikh vremen* [History of Russia from Ancient Times]. Moscow: Soekonomizdat. Vol. XIV. 674 p.
- Zakharov, R. A. 2017. *Geograficheskie determinizm i geosotsiologiya: metodologicheskie osnovy razgranicheniia poniatii* [Geographical Determinism and Geosociology: Methodological Foundations for the Distinction of Concepts]. *Istoricheskaiia i sotsial'no-obrazovatel'naia mysl'* 9(2–2): 154–160.
- Zununova, G. Sh. 2013. *Material'naia kultura uzbekov Tashkenta: transformatsiia traditsii: XX — nachalo XXI v.* [Material Culture of the Uzbeks of Tashkent: Transformation of Traditions: 20th — early 21st Century]. Tashkent: Extremum-Press. 256 p.